

ЗАРКЕВИЧ Н. Н. — в НКВД

ЗАРКЕВИЧ Николай Николаевич, родился в 1884 в Шлиссельбурге. Окончил Александровский кадетский корпус, в 1905 — Михайловское артиллерийское училище, служил в Кронштадтской крепостной артиллерии. Окончил курсы электротехники, служил в Петербургском военном округе. С 1914 — на Румынском фронте, с февраля 1918 — в штабе обороны Петрограда, затем — в Военном окружном комиссариате. В 1919 — арестован, но вскоре освобожден. В 1920 — воевал против белополяков, с 1921 — служил в Высшей кавалерийской школе, с 1923 — после демобилизации работал в гражданских организациях. 13 февраля 1935 — арестован, после многочасовых допросов 3 марта дал подписку о добровольном выезде с женой и дочерью в Челкар Актюбинской области на 3 года¹.

ЗАРКЕВИЧ Людмила Владимировна, родилась в 1890-х. Получила среднее образование. Вышла замуж за Николая Николаевича Заркевича, капитана русской императорской армии, в семье — дочь Марина. Проживала с мужем в Ленинграде, с 1919 — работала бухгалтером в Системе Областного коммунального хозяйства, с февраля 1934 — проживала в Кировске, работала бухгалтером в Политпросветбазе. В марте 1935 — выслана с мужем и дочерью Мариной в Челкар Актюбинской области на 3 года.

МАЛАХОВА (урожд. Заркевич) Марина Николаевна, родилась в 1910-х (отец, Заркевич Николай Николаевич, дворянин, капитан русской императорской армии; мать Заркевич Людмила Владимировна). Получила среднее образование, в 1930-х — работала в учреждении Ленинграда. Вышла замуж за инженера Малахова. В марте 1935 — выслана с родителями в Челкар Актюбинской области на 3 года.

В мае 1935 — Николай Николаевич Заркевич обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<13 мая 1935>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите, что затрудняю Вас просьбой, но прошу, если можно, выслушать меня и помочь.

28 февраля с<его> г<ода> я был арестован представителями НКВД. На моей квартире был произведен более чем тщательный обыск, не давший никаких результатов — искали несуществующие у меня оружие и валюту — и изъяли у меня бытовое серебро, карманные часы и фотографические карточки, после чего отвезли меня в ДПЗ на Нижегородскую улицу. Утром 1/III меня взяли на допрос к следователю. Допрос длился около 12 часов, и все было одно и то же, с первого дня Революции известное всем, написанное мною во всех анкетах, проверенное досконально органами б<ывшего> ГПУ (так как я занимал всегда ответственные места), затем, на третий день — 3/III вечером меня освободили, а 4 марта на ул<ице> Воинова, 27 (<нрзб.>) дали предписание в 3-х-дневный срок по собственному желанию — это мне было неоднократно повторено — выехать из Ленинграда в Иргиз и потребовали подписку, что я добровольно уезжаю туда на 3 года, а со мной уедут также моя жена и дочь. Здесь же мне совершенно авторитетно было заявлено, что едем мы не как ссыльные, а на работу, так как в связи с колоссальной стройкой мы по нашим квалификациям там крайне нужны, что там же на месте мы получим все документы и отобранные вещи.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1325. С. 158-167.

В чем дело? За что на 18-м году Революции и работы, которой я отдавался весь, не щадя ни сил, ни здоровья, забывая личную жизнь, отдавая делу все свои знания, меня выкинули вон как какого-то преступника? Впрочем, нет: преступнику дают работу, его не стараются взять измором, а здесь, куда мы попали (гор<од> Челкар, Актюб<инской> обл<аст>) и где живем почти 2 месяца, нам не только не дают работать, но запрещают нас принимать и на всех собраниях выносят постановления, чтобы не пускать нас в квартиры, тем же, кто впустил, — выселяют прочь. Но ведь жить же надо! И каждый день несет за собою расходы. Заработка нет и не будет.

Не может и не должно быть такого положения в Советской стране, чтобы здоровые люди, могущие и желающие работать, имеющие соответствующую квалификацию и ничем себя не запятнавшие, были выброшены за борт в голодную степь на верную смерть от голода или преступления. Ведь голод родит многое.

Простите, что пишу так. Может быть, не совсем ясна моя мысль? Скажу кратко свою биографию.

Я сын доктора, происхожу из дворян. Мой отец никогда не имел ни капитала, ни недвижимости, жил своим трудом. Умер в 1906 году. Еще живы люди, знавшие его и могущие дать оценку: память о нем не умерла.

Фамилия моя Заркевич Николай Николаевич, родился в 1884 году, бывший офицер артиллерии, последний чин — капитан. В 1914 году я был назначен, как служивший в окружном Артиллерийском Управлении, в Артиллерийскую часть штаба 9-й армии, где и находился до Революции. Революция застала меня в Румынии. В это время ко мне приехала жена моя с дочерью. Ничто не мешало мне остаться с семьей в Румынии, но мы считали это для себя не приемлемым. И я сначала с последним поездом переправил в Ленинград жену и дочь, а после сам, вопреки всем уговорам и предложениям румын отправился пешком и в феврале месяце 1918 года прибыл в Ленинград и тотчас же добровольно поступил в Красную Армию. Сначала был назначен в штаб обороны, затем в Военно-Окружной Комиссариат (при его формировании). В 1920 году был отправлен на Красный Фронт против бело-поляков с политотделом Особой стрелковой дивизии ВОХР. По возвращению с фронта после операции (был гнойный аппендицит) был назначен политотделом Военно-Учебных Заведений помощником начальника Учебного отдела Высшей кавалерийской школы, где попутно был главным руководителем иностранных языков и вел в клубе кружковую работу: литературный и драматический кружки. В 1923 году был по возрасту демобилизован и направлен на работу в Володарский райисполком, где работал в художественном Совете, в Бюро фабрично-заводских театров района, а затем направлен секретарем Правления ф<абри>ки им<ени> т<оварища> Ногина, где по вечерам в клубе вел кружки самообразования, литературный и драматический. В 1925 году 3/IX, я был переброшен в Ленинградское представительство Акц<ионерного> об<ществ>а Радиопередача (ныне комитет по Радиовещанию), где и работал до момента высылки из Ленинграда, являясь одним из начальных основателей Радиовещания в Ленинграде. За время работы в Радио я "за боевые темпы в работе", за "ударную работу" и т<ак> д<алее> неоднократно получал премии и в текущем году, в январе месяце, был отмечен по работе к 10-ти летнему юбилею Ленинградского вещания. Мой арест и высылка явились совершенной неожиданностью как для работников комитета и Радиовещания, так и для треугольника, знающего меня и ценящего мою работу.

Жена моя Людмила Владимировна Заркевич с 1919 года состояла на Советской работе: 13 лет работала в Ленинграде в Системе Об<ластного> ком<мунального> хоз<яйств>а и в феврале месяце 1934

года, согласно предложения председателя Хибинского (ныне Кировского) гор<одского> Совета, была командирована в Кировск в Политпросветбазу для налаживания совершенно запущенной отчетности. За год исключительно упорной работы она одна, не имея помощников, привела в полную ясность финансовое положение Политпросветбазы и подотчетных ей клубов. Ревизия Советского Контроля в ноябре месяце 1934 г<ода> заактировала это, отметив, что полученная отчетность была в сильно запущенном виде, и на основании этого акта жена моя получила благодарность с занесением в личное дело.

В январе месяце текущего года ревизия НКВД, приехавшая из Ленинграда, подтвердила выводы предыдущей комиссии.

И вот, приехав в командировку в Ленинград 5/III с<его> г<ода> жена моя узнала, что она включена в мою путевку и должна отправиться со мною вместе в Иргиз, причем, вернуться в Кировск для сдачи дел и дачи необходимых указаний, несмотря на просьбы об этом ее начальника, бывшего в это время в Ленинграде, было отказано и заявлено, что "там и без нее разберутся".

Дочь мою тоже сняли с работы. Уж если я за собой и за женою не могу выискать никакой вины, да мне ее и не предъявили, то какую же вину можно предъявить к дочери, которую, как и жену, ни о чем не спрашивали, а просто велели убраться из Ленинграда в Иргиз и также по собственному желанию, и тоже на 3 года, в чем предложили дочери подписаться? Обе они жили, работали совершенно самостоятельно.

Если в отношении меня проявлена ошибка, то какая же громадная ошибка допущена в отношении их!

Простите, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, за такое длинное письмо и помогите нам, сидящим в Челкаре без работы, пока живем еще. А что дальше? Петля на шею? Так ведь от нас еще можно извлечь пользу. Просим только работы.

Примите наш привет.

Ник<олай> Заркевич.

Челкар, Актюбинск<ой> обл<асти>, Набережная ул<ица>, 40»².

Осенью 1935 — Николай Николаевич Заркевич, по ходатайству Помполита, получил разрешение выехать с семьей в Актюбинск. В апреле 1936 — он обратился с официальным заявлением в НКВД.

<3 апреля 1936>

«Народный Комиссариат Внутренних дел

Гр<ажданина> Заркевич<а>
Николая Николаевича,
прожив<ающего> в гор<оде>
Актюбинске по ул<ице>
Карла Либкнехта, дом № 46.

Заявление

Я родился в 1884 г<оде>. Происхожу из дворян. Сын военного доктора. Учился в Александровском Кадетском корпусе, потом в Михайловском Артиллерийском училище, по окончании которого вышел в Кронштадскую Крепостную артиллерию в 1905 году. В 1908 году был командирован на Орудийный завод для прохождения на курсах при нем электротехники. По окончании курса школы был оставлен в Петербурге и

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1325. С. 159-163. Автограф.

переведен в Петербургскую Крепостную артиллерию. В 1912 г<оду> был сначала прикомандирован к Окружному Артиллерийскому Управлению Петербургского Военного Округа, а затем переведен в штат.

1-ого августа 1914 года был по мобилизации назначен в артил<лерийскую> часть штаба 9-ой Армии.

Октябрьская революция застала меня на фронте в Румынии, в гор<оде> Балтошанах, где стоял штаб армии. Не считая для себя возможным оставаться в Румынии и работать против Советской власти, я в январе 1918 г<ода> вышел пешком из Румынии, чтобы добраться до Петрограда, куда я перед тем с последним поездом отправил приехавших ко мне жену и дочь.

В феврале месяце 1918 г<ода> я пришел в Ленинград (тогда Петроград) и сразу явился в комендатуру и был назначен в Штаб Оборона Петрограда.

После реформирования Штаба Оборона и выделения Окружного Военного Комиссариата, я был назначен сначала в адм<инистративный> отдел, а затем в Демобилизационный отдел Комиссариата.

В 1920 г<оду> был назначен на Западный фронт против белополяков. Прибыв в г<ород> Минск, получил назначение в Особую стрелковую дивизию ВОХР. После операции (гнойный аппендицит) был в декабре отправлен в Петроград и, не используя отпуска, поступил работать нач<альником> клуба 2-ой Пехотной школы, по расформированию которого был назначен нач<альником> Центра клуба Военно-Учебного заведения лаг<ерного> сбора, а осенью 1921 г<ода> получил назначение пом<ощником> нач<альника> уч<ебного> отдела Высшей Кав<алерийской> школы.

В 1923 г<оду> был демобилизован и направлен в Володарск, в Райсовет, где был назначен секретарем художественного совета. По расформированию его я был назначен в Дирекцию фабрично-заводских театров Володарского р<айона> и вел драмат<ическую> студию и кружок самообразования на ф<абри>ке им<ени> Ногина.

В 1923 г<оду> был переброшен, вследствие расформирования Дирекции, в Правление ф<абри>жи им<ени> Ногина, где был секретарем до 1925 г<ода>, продолжая вести работу в клубе.

В 1925 году по решению Сев<еро>-зап<адного> бюро ЦК был переброшен на работу в "Радиопередачу" (ныне Комитет радиовещанию и Радиодирекция), где работал до момента ареста, т<о> е<сть> до 28-го февраля 1935 года. 4-го марта 1935 г<ода> был освобожден и получил предложение в 3-х дневный срок выбраться из Л<енингра>да в гор<од> Иргиз, причем, ко мне в путевку была вписана моя замужняя дочь Марина Николаевна Малахова, имевшая самостоятельный заработок, не бывшая на моем иждивении, и жена моя Людмила Владимировна, 15 лет самостоятельно работавшая, не бывшая на моем иждивении, весь последний год жившая и работавшая в гор<оде> Кировске бухгалтером Политпросвет<ительской> базы.

Нас всех троих выкинули из жизни, лишили всех гражданских прав. За что? За что бросаются и сейчас в нас комья грязи всеми, кто только не пожелает этого? А желающих, к сожалению, много.

Я прошу разобрать мое дело и вернуть семье моей и мне гражданские права, которые мы честно заслужили.

Я никогда не скрывал, что я был офицером царской армии (последний чин — капитан), что я из дворян и всегда нес все силы, энергию и знания в работу.

В дополнение моего заявления прошу затребовать мою характеристику от Л<енинградского> О<тдела> У<правления> НКВД и от Ленинградской Радиодирекции.

Ник<олай> Заркевич

З/IV - 36 г<ода>»³.

Летом 1936 — Людмила Владимировна Заркевич вместе с дочерью обращались за помощью в Помполит⁴.

2 ноября 1937 — Николай Николаевич Заркевич был арестован. 15 декабря 1937 — приговорен «за шпионско-диверсионную деятельность» к ВМН и 20 декабря расстрелян⁵.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1491. С. 275. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1559. С. 141

⁵ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.